

Отзыв официального оппонента

о диссертации Д. А. Опарина "Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка"

В среде специалистов по Сибири и Северу существует мнение, что этнографическая наука в этом регионе в общем закончилась. Традиционные культуры утрачены или размыты до неузнаваемости; социальная организация и религиозные представления за последнее столетие претерпели кардинальные изменения и перестали быть не только оригинальными, но и интересными; вначале советская модернизация, а затем и глобализация смыли все различия и особенности, оставив хаос разрозненных осколков прошлого, с одной стороны, и "общероссийскую социальную ситуацию", с другой. Этнография, иными словами, должна перестать быть отдельной наукой и стать частью социологии.

Этнографию, как мы помним, хоронят не в первый раз. Предыдущие похороны состоялись в начале 1930-х годов; они прекрасно описаны в ряде работ по истории науки¹. Так, один из лидеров ленинградских этнографов того времени Н. М. Маторин "употреблял слово «этнография» только в кавычках" и писал в 1932 году, что этнография как особая самостоятельная дисциплина существовать не может, и «в будущем этнограф ничем не будет отличаться от историка»...².

Утверждения, что "этнографии больше нет", звучавшие в начале 20 века, убедительно опровергнуты всем ходом истории отечественной этнографической науки за прошедшие 80–90 лет. Рецензируемая диссертация убедительно опровергает аналогичные утверждения начала 21 века.

Диссертация Дмитрия Анатольевича Опарина посвящена полевому этнографическому описанию современных ритуальных практик и анимистических представлений коренного населения Чукотки – эскимосов и приморских чукчей. Сама эта постановка вопроса – *полевое* описание *современных* представлений –

¹ Это прежде всего сравнительно недавняя книга (Алымов С. С., Арзютов Д. В. Марксистская этнография за семь дней: совещание этнографов Москвы и Ленинграда и дискуссии в советских социальных науках в 1920–1930-е годы // От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. — СПб.: МАЭ РАН, 2014., а также работы Т. Д. Соловей (такие, как статья Коренной перелом» в отечественной этн графии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х — начало 1930-х годов) // ЭО. 2001. № 3. С. 101–121); и А. М. Решетова (Решетов А. М. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М., 2003. Вып. 2. С. 147–192); и др.

² См.: Алымов, Арзютов 2014: 71

показывает, что этнография отнюдь не кончилась, и что внимательному этнографу в полевых условиях есть что заметить и описать.

Я с особенным удовольствием согласился выступить оппонентом по этой диссертации, поскольку два поселка, в которых автор в 2011 и 2013 годах собирал свой полевой материал, хорошо мне знакомы по 1970–1980-м годам: и в Новом Чаплино, и в Сирениках я провел в свое время с десятком полевых сезонов, и знаю лично почти всех упомянутых в работе Д. А. Опарина информантов – правда, скорее как детей и подростков, чем как взрослых людей. Приходилось мне писать и о религиозных представлениях коренных жителей этих мест, поэтому диссертацию я читал с двойным интересом.

Скажу сразу, что диссертация отчетливо делится на две части: введение и первая глава, задача которых – дать общий исторический и социальный фон описываемых явлений, – и все остальные главы. Эти части различаются не только тематически, но и по качеству текста: если главы 2–6 дают читателю серию интересных наблюдений, тонких описаний и убедительных интерпретаций, то введение и первая глава вызывают довольно много вопросов.

Собственно этнографическая часть работы (Главы 2–6) построена логично и читается с большим интересом. Основной акцент автор делает на *вариативности* современных ритуальных практик, причем вариативности разных типов. Это – *временная* вариативность ("ритуал может забываться, возрождаться, трансформироваться в процессе возрождения, изменяться... под воздействием определенных событий или новых явлений", с. 55). Это *территориальная* вариативность ("ритуальная практика претерпевает изменения в зависимости от передвижения акторов в пространстве", с. 55). Это, наконец, *семейная* и *индивидуальная* вариативность ("каждая семья... проводит тот или иной ритуал по-своему", с. 55; "ритуальное пространство является очень индивидуализированным и относится к сфере творчества и воображения", с. 110). Вариативность разнообразных ритуальных практик детально описана в работе через концепт "ритуального пространства" – основной аналитический концепт диссертации. Ритуальное пространство "не едино, а состоит из семейных и индивидуальных микротрадиций" (с. 4), и поэтому "говорить следует не о вариативности единой эскимосской, чукотской или эскимосско-чукотской ритуальной традиции, а о множестве традиций, каждую из которых следует воспринимать как легитимное

проявление духовной жизни в рамках современного ритуального пространства" (там же).

При таком подходе в целом оправданным выглядит осознанный отказ автора от исследования, в духе Дюркгейма, социальных функций эскимосско-чукотского ритуала, который в двух исследуемых поселках "не объединяет общество, не решает скрытых социальных проблем и не призван смягчить уровень конфликтности" (с. 6); впрочем, к концу работы автор приходит к выводу, что "несмотря на всю индивидуальность... ритуального пространства, оно вписывается в социальный и исторический контекст,... является частью социального ландшафта" (с. 110) – и далее: "несмотря на закрытость и семейность ритуальной сферы, она является и объединяющей основной": именно "ритуальная активность служит [для местного населения] основным способом проявления своей причастности к национальной традиции и культуре" (с. 111). Иными словами, отказ от "дюркгеймовского" подхода все-таки в итоге оказывается слишком решительным.

Конкретные проявления ритуальной деятельности описаны в диссертации тщательно, детально и красочно: автору удалось глубоко проникнуть в жизнь двух исследуемых поселков, войти в доверие к их жителям и получить доступ к качественному, местами уникальному материалу. Этнографическое описание ритуального кормления духов, похорон, поминального ритуала (Глава 2) – это прекрасная, качественная этнография, сделанная умело и со вкусом. Убедителен и вывод, лежащий в русле очерченного выше подхода к ритуальному пространству как к индивидуализированному: "Похоронно-поминальные практики стали подчиняться не общепринятым предписаниям, а личным представлениям о связи с умершим" (с. 62); "ритуальное пространство становится все более и более плюралистичным" (с. 65) – в этом автор совершенно справедливо видит отличие современного состояния ритуала от того, которое было зафиксировано для более ранних эпох.

Основной вывод автора из описания этого материала вполне убедителен: сужение области применения традиционного знания проявляется не только в сужении ритуального пространства, но и в перемещении этого ритуального пространства в семейную сферу. Именно семейный характер поминальной церемонии – залог сохранения ее актуальности. Лишь в рамках семьи сохраняются и трансформируются традиционные культурные практики; семья стала

единственным средством трансляции традиции (с. 72–73). Эти наблюдения и этот вывод – важный шаг вперед по сравнению с тем, что было написано почти 20 лет назад в нашей с И. И. Крупником совместной статье 1997 года, посвященной трансформации традиционных знаний жителей этих поселков³.

В главах 3 и 4, как и в главе 2, читатель находит прекрасное этнографическое описание сакрального ландшафта; стереотипов заброшенных поселков и их жителей; охотничьих ритуалов и церемонии спуска лодок на воду. Местами эти главы грешат некоторой хаотичностью изложения, недостаточно подробно прописанными интерпретациями и иногда – смешением эмного и этного подходов и терминов, но в целом их можно признать авторской удачей.

В главе 5 дан очень подробный и очень интересный анализ системы наречения эскимосских и чукотских имен, роль этой системы, типология самих имен. Этот материал подан на фоне сравнения с аналогичными системами аборигенного населения Канады. Многие факты и выводы этой главы, впрочем, повторяют положения более ранних работ, упоминания которых я, к сожалению, не обнаружил в библиографии к рецензируемой диссертации⁴.

Глава 6 также содержит интересные этнографические наблюдения о ритуальных предметах и микро-ритуалах, в частности – о расширении спектра применения магических предметов (камней, брусков, бусин и т.п.) по сравнению с более ранним периодом, или о легкости замены при проведении микро-ритуала одного животного на другого (собаки на кошку, с 107).

В качестве общего замечания к этой части диссертации следует сказать, что, если автор собирается продолжать исследования в том же направлении, можно посоветовать ему обратить внимание на некоторые публикации, которые имеют к его теме непосредственное отношение; это – публикации прежде всего петербургских ученых⁵, которые автор явно знает не так подробно, как московские или западные работы. Это приводит иногда к забавным казусам вроде ссылки на

³ Igor Krupnik, Nikolai Vakhtin. Indigenous Knowledge in Modern Culture: Siberian Yupik Ecological Legacy in Transition // *Arctic Anthropology*, vol. 34, No 1. 1997

⁴ Вахтин Н.Б. Возвращение умерших и наречение имен на северо-востоке Сибири // Чужое имя / Альманах "Канун". Вып. 6. СПб: Ин-т русской литературы. 2001. С. 216-231.

⁵ См., например: Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXXV. М.; Л., 1957. С. 263–326. (Сибирский этнографический сборник. II). Михайлова Е. А. Традиционная и современная культура эскимосов Сибири. Диссертация... канд. ист. наук. 1980; Вахтин Н. Б. О механизме эволюции традиционных представлений у морских охотников Чукотки // *Russian Literature. Special Issue: The Russian Avant-Garde: Sources, Practice, and Significance*. Vol. 71, Nos 3-4, 2012, pp. 463–476.

"статью" 2005 года, (сноска 60, с. 17), когда на самом деле речь должна идти о книге 2004 года ⁶.

Повторю, что этнографическая часть работы (Главы 2–6) в целом построена логично и читается с большим интересом. Основные претензии и замечания у меня – к Введению и Главе 1.

В свое время В. Г. Богораз считал обязательной для студентов-этнографов лингвистическую подготовку. К сожалению, эта традиция прервалась. Раздел Введения "Лингвистическая характеристика" не выдерживает никакой критики. Автор явно не знаком не только с литературой по этой теме, но и с основными понятиями современной лингвистики. Лингвистические работы подбираются и цитируются через чтение этнографических исследований: те лингвистические работы, на которые ссылаются И. И. Крупник или М. А. Членов в статьях 1970-х годов, попадают в поле зрения автора; более новые – остаются ему неизвестными. Это приводит к неточностям и ошибкам: так, в прошлом чаплинский и науканский действительно называли "диалектами", однако сегодня никто из серьезных лингвистов подобными терминами не пользуется. Относительно термина "родной язык", с которым автор расправляется в короткой сноске 24 на с. 9, существует большая и явно неизвестная автору литература. О старосиренинском языке после книги Г. А. Меновщикова 1964 года опубликована большая монография автора данного отзыва, также явно неизвестная автору диссертации ⁷. В отношении общей языковой ситуации на Крайнем Севере также существуют важные публикации, оставшиеся автору неизвестными ⁸.

Исторические сведения о Чукотке, о положении коренного населения в советское время, и интерпретации этих сведений, приведенные в Главе 1, часто даются без соответствующих ссылок, как собственные находки и собственные выводы автора – см., например, рассуждения о целях политики укрупнения поселков и переселения эскимосов в 1950-е годы (с. 26), или о социальной и культурной роли интернатской системы (с. 27 сл.). Об этом написано очень много (скажу лишь, что советский опыт в этом отношении далеко не уникален).

⁶ Вахтин Н., Головкин Е., Швайццер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М., Новое издательство. 2004.

⁷ Вахтин. Н. Б. Язык сиренинских эскимосов: тексты, грамматические и словарные материалы. LincomEuropa: München. 2000. [LINCOM Studies in Asian Linguistics, 33].

⁸ См.: Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига // СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.

Вторая часть параграфа 1.2. – о подавлении этнических движений на Чукотке в 1990-е годы – читается с интересом: автор хорошо разобрался в тонкостях истории общества "Юпик" и в отношениях между активистами и местными властями.

Однако в целом эта глава значительно уступает по качеству этнографической части работы; регулярно встречаются мало обоснованные, а часто и просто неверные утверждения. Вот несколько примеров: *"для оседлого населения это нововведение [интернатская система] оказалось менее драматическим [чем для кочевого]"*, с. 26 – это очень сомнительно, и ссылка на книгу Юрия Слезкина не спасает; *"традиционное для советской... этнографии пренебрежение к социальным проблемам"*, с. 32 – а как же публикация пяти томов докладных записок сотрудников московского Института этнографии в Совет министров СССР, подготовленная З. П. Соколовой?!; *"генетическая предрасположенность коренных народов Севера к алкоголизму"* с. 34 – оставляю без комментариев; рассуждение о причинах алкоголизма, с. 35 – с опорой на единственную цитату из статьи К. Истомина; или утверждение, что *"одной из самых серьезных социальных проблем всех российской Арктики оказывается до сих пор не исчезнувшая интернатская система"*, с. 40 – стандартная ошибка почти всех молодых исследователей, распространяющих опыт своей работы на территории одного северного региона – на "всю Арктику" (известно, скажем, что для Ямала это не так). Перечень можно было бы продолжить.

Отдельные высказывания автора о соотношении православия и евангелической традиции среди коренного населения не всегда согласованы. Так, на стр. 44 читаем: *"Если в христианской жизни Анадыря доминантой является православие, то в национальных селах... евангелические направления сохраняют первенство"*; на стр. 45 автор говорит о *"сопротивлении насаждающемуся православию"*, на стр. 46 – что *"среди части коренного населения существует предубеждение против евангелических направлений"*, и, наконец, на стр. 52 – что приверженцы традиционных верований терпимее относятся к православию, чем к протестантизму. Возможно, все эти утверждения по отдельности верны, но в общую картину как-то не складываются.

Еще несколько мелких замечаний.

При характеристике региона (с. 7-8) следовало бы использовать результаты общероссийских и местных переписей и другой статистический материал, что позволило бы избежать неподтвержденных статистикой утверждений вроде "В связи с массовым исходом приезжего населения значительно увеличилась доля коренных народов..." – соответствующие цифры легко доступны.

с. 71: фраза о "современной интеллектуальной культуре азиатских эскимосов" звучит как перевод с английского: в русской традиции обычно говорят о "духовной культуре".

с. 78: "металлические или деревянные кабинки" – снова плохой перевод с английского (cabins) – по-русски лучше "домики".

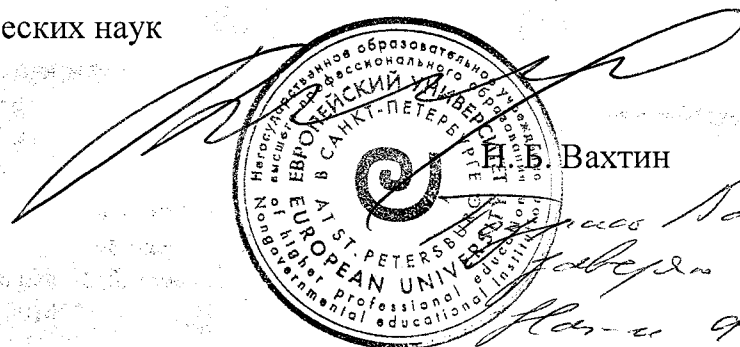
По всему тексту непоследовательно пишутся имена исследователей: моего покойного учителя Георгия Алексеевича Меновщикова автор называет то "Г. А. Меновщиков", то "Георгий Меновщиков" – последнее в русскоязычном тексте выглядит странно. То же верно и для многих других имен.

Несмотря на высказанные замечания (которые, повторю, относятся прежде всего к Введению и Главе 1), диссертационное исследование Д. А. Опарина – интересная, вдумчивая и, что очень важно, целиком самостоятельная работа. Она написана на хорошем этнографическом материале, содержит новые и нетривиальные теоретические положения и убедительно демонстрирует возможность и необходимость изучения современного ритуального пространства коренного и местного населения Крайнего Севера.

Диссертация Дмитрия Анатольевича Опарина "Вариативность современного ритуального пространства Нового Чаплино и Сиреников, Чукотка" соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

19 ноября 2015

Доктор филологических наук
профессор

Н. Б. Вахтин

С. С. Соловьев